

Сквозь сырой утренний туман Ли Сы поднялся на ощупь, стряхивая с лица влажные пряди волос. Гоудань и А-Сюань спали в обнимку, сжавшись в комок. Они с головой укутались в тонкое одеяло, инстинктивно перетягивая его друг на друга. Ли Сы, по сути, всю ночь до рассвета продрог на холодном ветру. Любовь этого молчаливого мужчины была такой же безмолвной; если бы не природный ум Гоуданя, отец забаловал бы его в край. Не зря говорят: в бедных семьях детей порой нежат пуще господских.

Кое-кто из стариков и тех, кто послабее здоровьем, с первыми лучами солнца заходил на натужным, лающим кашлем, сплевывая густую мокроту прямо под ноги.

Утро в городе шумело совсем не так, как в деревне. То и дело мимо с ревом проносились тяжелые грузовики, разрезая густую дымку резким светом фар.

Пока они только собирались в путь, Гоудань сгорал от нетерпения и восторга. Но теперь, оказавшись в городе, он растерялся и оробел перед неведомым миром. Мальчишки испуганно жались к Ли Сы, боясь потеряться в толпе. Даже собаки, почуяв лавину чужих запахов, забеспокоились. Они жалобно поскуливали, по-настоящему поджав хвосты от страха.

А-Сюань потянул Гоуданя за рукав:

— Неужели это и есть город? Сколько же здесь людей!

Велосипедистов было не счесть. В их родной деревне старые двухколесные машины водились силой у двух-трех семей, а тут на велосипедах раскатывали даже женщины.

— Гляди, у того парня волосы кверху зачесаны, — прошептал Гоудань. — Я видел такое у городской образованной молодёжи, которая только-только к нам приехала. Говорили, это шикарно.

Ребята с опаской разглядывали прохожих. Впрочем, они шли в большой толпе других деревенских, приехавших сдавать зерно, и это придавало им смелости. Правда, их процессия едва не парализовала движение. Нарядные городские девушки и щеголеватые парни брезгливо ворчали вслед: мол, стоит деревенщине показаться на улице, как после них непременно остается шлейф навозной вони.

Кое-как добравшись до Управления по зерновым делам, они обнаружили внушительную очередь. Бывалые люди поговаривали, что народ стоит здесь еще со вчерашнего дня. Те, кто побогаче, устроились на ночлег в самом уезде, а им пришлось ночевать в поле у дороги.

Поняв, что ждать придется долго, Гоудань быстро справился с робостью. Внутри него забурлило любопытство. Разве для того они с таким трудом выбирались в уездный город, чтобы проторчать весь день в душной очереди? Да и толку от них здесь никакого. Он подбежал к Ли Сы и предупредил, что они с А-Сюанем переждут жару в тенечке, а если разминутся, то будут ждать отца вон под тем большим деревом.

Ли Сы стоял у своих тяжелых мешков и не мог сдвинуться ни на шаг. Он хотел было крикнуть сыну, чтобы тот вернулся, но Гоуданя уже и след простыл. Отец заволновался, но старый староста успокаивающе похлопал его по плечу:

— Да не переживай ты так. Гоудань парень смысленный, далеко не убежит. Ждать нам все равно еще до вечера, так что пускай пройдутся. Как освободимся, заберем их у дерева.

На самом деле Гоудань не собирался сразу убежать далеко. Сначала они с А-Сюанем просто сновали вдоль шеренги уставших людей, высматривая, кто приехал и много ли привез зерна, а потом вернулись назад. Щеки у обоих горели от возбуждения. Ли Сы, посмотрев на их веселую беготню туда-сюда, успокоился: раз дорогу находят и не теряются, пускай резвятся. Солнце палило все нещаднее. Крестьяне сложили мешки в общую кучу, а сами отошли подальше под крону раскидистого дерева, поглядывая на свое добро издали.

А-Сюань заметил старика, который устроился на колченогом табурете прямо у ворот Управления. Когда кто-то приезжал на велосипеде, старик приветливо кивал и вежливо заверял хозяев, чтобы те не беспокоились — мол, присмотрит в лучшем виде. Понаблюдав за ним какое-то время, А-Сюань дернул за рукав Гоуданя, увлеченно разглядывавшего пеструю уличную толпу, и подошел к зрителю.

— Дедушка, а почему вы тут сидите? Вы за велосипедами присматриваете?

Старик лениво вскинул на них глаза и тут же отвернулся, проигнорировав вопрос. Терпением Гоудань никогда не отличался. Видя такое пренебрежение, он насупился:

— Эй, дед! Мы вообще-то с тобой разговариваем. Чего молчишь?

А-Сюань торопливо потянул друга назад и, запустив руку в карман, выудил горсть спелых диких фиников. Он протянул их старику:

— Угощайтесь, дедушка. Они сладкие.

Старик скользнул взглядом по ягодам, и его лицо расплылось в улыбке:

— Ого, а ты смысленный малый! — Дело было, конечно, не в горсти диких ягод, но вежливость и смекалка мальчишки ему приглянулись. — Из тебя бы вышел толк в городе. Из деревни приехали зерно сдавать? Ох, намучаетесь вы в этой очереди. Это сейчас, в разгар страды, тут проходной двор. А как с заготовками закончат, хрен вы просто так за ворота государственного учреждения проскочите!

Увидев, как округлились от удивления глаза мальчишек, старик довольно хохотнул.

Оно и понятно: ребята провели в дороге целый день, спали на пыльной земле, и одежда их

давно превратилась в грязные лохмотья. Немудрено, что уездный сторож поначалу даже разговаривать с ними брезговал.

— А откуда вы все это знаете? — полюбопытствовал Гоудань.

— Эх, малец, много ты понимаешь! Строго контролировать, кто входит и выходит, оберегать государственное имущество — это, между прочим, моя ответственная служба! — важно выпятил грудь старик.

Гоудань огляделся по сторонам, почесал затылок, но так и не понял, в чем тут заключается «служба». А-Сюань сообразил быстрее: обычный сторож у ворот. Но делиться мыслями не стал. В деревне у них отродясь никто двери на замок не запирали, а тут, надо же, целая государственная должность — на лавочке сидеть да на ворота глазеть! Неужели городские сами не могут за своими вещами присмотреть?

Да с такой работой любой дурак справится. Даже собаки их, Дагуай и Сяогуай, не хуже бы посторожили.

— А такую работу легко найти? — спросил Гоудань. Работа казалась непыльной; если уезду нужны люди, то его отец отлично бы подошел.

Старик осклабился, выставив напоказ желтые, редкие зубы. Целыми днями он сидел тут в одиночестве — начальство с ним не откровенничало, так что поговорить с деревенскими мальчишками было только в радость.

— Э-э, нет, паря. Городская работа — она для городских. Мое место, скажу я вам по секрету, мне через племянницу досталось. Она у меня в люди выбилась, вот и пристроила дядю. А иначе фиг бы меня сюда взяли.

Раньше-то он спину гнул на каменоломнях, таскал глыбы за сущие копейки. А под старость лет сподобился получить чистую, уважаемую должность. Сиди себе целый день на табуретке да получку жди. Такое теплое местечко простому человеку с улицы не видать, тут связи нужны. Все-таки государственное жалованье!

Гоудань презрительно фыркнул:

— Мой папа говорит, что настоящий мужчина должен трудиться в поте лица. Если хорошо землю пахать, никогда с голоду не помрешь. Подумаешь, городские выискались! Не больно-то и хотелось вашу работу работать.

Тут к воротам подкатил очередной прохожий на велосипеде. Старик покряхтел, поднялся, помог переставить соседние машины, чтобы освободить место, и вернулся на свой табурет.

— Малы еще рассуждать, — добродушно проворчал он. — Слыхали про железную чашку риса? Это когда ни засуха, ни наводнение тебе не страшны. А земля что? Земля — это вечная лотерея, выживание на милость неба.

Гоудань про себя согласился. Он ведь знал об этой «железной чашке». Зять дедушки Ли как раз владел такой. И пусть сам мужик был старым и невероятно уродливым, тетушка Ли Бо без раздумий выскочила за него замуж. Мальчик молча кивнул.

— То-то и оно. Мне за мою службу каждый месяц платят пятнадцать юаней да выдают двадцать восемь цзиней зерна под расчет. Понятно, что до настоящих партийных кадров мне далеко, но и нам крохи со стола перепадает. Сами посудите, где бы еще старик вроде меня нашел такую благодать? Красивые слова оставьте для митингов, а человеку сытым быть надо. Вот такая работа — это жизнь по-человечески. Вы, мелкота, не смыслите ничего. Иметь верный кусок хлеба при любом раскладе — это великое счастье.

— Под старость детям обузой не стану, сам себя прокормлю, да еще и внукам копейкой на сладости помогу. А ежели вечером чарочку домашней настойки опрокинуть — так и вовсе жизнь удалась. Ценить надо то, что имеешь, — философски заключил старик.

Доводы были веские, и Гоудань невольно проникся уважением:

— И на конфеты хватает? Прямо настоящие сладости покупаете? На вашей работе и такое можно?

— Ха-ха-ха! Когда в кармане водятся живые деньги, о паре конфет голова точно болеть не будет!

Гоудань с А-Сюанем уставились на него с благоговением. Сторож так и расплылся от гордости. Впрочем, имел полное право. Одежда на нем хоть и поношенная, зато чистая и — что совсем удивительно для деревни — без единой заплатки. Видно, домашние заботились о нем на совесть.

Гоудань невольно вспомнил собственного деда, старика Ли. Образ его в памяти почти стерся. Молчаливый, безучастный старик: пока в трубке тлел дешевый самосад, ему было глубоко плевать на все вокруг. В доме безраздельно властвовала бабка, а сам дед существовал будто тень — Гоуданю казалось, что живи старик или помри, в его собственной жизни ничего бы не изменилось.

Дед ходил в грязном, засаленном тряпье, и от него вечно разило кислым потом. Когда бабка раз в сто лет снисходила до того, чтобы обстирать его, двор на полдня оглашался отборной бранью. Она кричала на всю деревню, жалуясь, что на старости лет превратилась в рабыню при неблагодарном муже.

Сам дед при этом не проронил ни слова, словно в других семьях жены не обстирывали и не

кормили своих мужей. Из-за этой вечной безгласности Гоудань никогда не воспринимал его всерьез.

Одеждой дед и близко не походил на этого ухоженного уездного сторожа. Да что там дед — даже их деревенский староста выглядел на его фоне зачуханным, оборванным бедолагой.

От этих мыслей у Гоуданя внутри шевельнулась глухая неприязнь к словоохотливому старику. Тот все продолжал заливаться соловьем о прелестях уезда: о богатых магазинах, о диковинных вещах, которые там можно купить... Настроение у мальчика испортилось. Он и сам не понимал, почему его так задели эти хвастливые речи, но продолжать беседу больше не хотелось.

Много лет спустя он смог бы дать этому чувству точные имена: уязвленная гордость, зависть, обида и жгучая горечь от чужого превосходства. Но сейчас он просто впервые в жизни с предельной ясностью осознал, какая пропасть разделяет людей.

В его детской голове зароились смутные догадки о том, что работа бывает разной. И что тяжелый, изнурительный труд вовсе не гарантирует сытую жизнь. Кто-то надрывается до кровавого пота и едва сводит концы с концами, а кто-то весь день сидит сиднем и ни в чем не знает нужды. И главное — он почувствовал колоссальную разницу между городом и глухой деревней. Понял, что городским положено государственное жалованье, а его отцу — нет.

А-Сюань чутко уловил перемену в настроении друга. Он молча взял Гоуданя за руку и отвел под раскидистую крону дерева. Помолчав немного, он тихо предложил:

— Гоудань-гэ, пойдем прогуляемся? Тот дедушка говорил, что тут неподалеку есть Уездный кинотеатр и большой универмаг... Давай хоть краем глаза взглянем.

Гоудань угрюмо молчал.

— Мы ведь так редко выбираемся в город, — продолжал уговаривать А-Сюань. — Ну давай сходим, братец.

Эти слова задели нужную струну. Действительно, когда им еще выпадет такой шанс? Нужно своими глазами увидеть уезд и понять, так ли уж он хорош, как о нем малюют!

— А дорогу назад найдешь? — оживился Гоудань.

— Конечно найду! Будем идти и примечать дорогу, а обратно вернемся по собственным следам.

Логично. Гоудань согласился с планом А-Сюаня. Проходя мимо сторожа, мальчишки демонстративно набрали в рот воды, но благодущный старик все равно крикнул им вслед, чтобы не уходили далеко и береглись машин. От его заботы Гоудань лишь сильнее насупился, схватил А-Сюаня за руку и припустил во всю прыть.

— Ха-ха! Всё, скрылись из виду? — задыхаясь от бега, спросил Гоудань.

— Скрылись, — улыбнулся А-Сюань.

Гоудань расплылся в довольной ухмылке, чувствуя себя победителем — будто он утер нос заносчивому старику. Эта детская, наивная самообманная мстительность была полностью в его духе.

В уезде почти не встречалось соломенных крыш — кругом высились кирпичные и черепичные дома. Строения выглядели обветшалыми и хаотичными. Из-за нехватки жилья люди лепили вплотную к каменным стенам убогие дощатые пристройки. Они лепились к фасадам зданий, точно уродливые наросты и бородавки на стволе некогда здорового дерева.

Кое-где на мостовой виднелись свежие кучи коровьего и ослиного навоза — дворники то ли не успевали, то ли не спешили наводить чистоту.

И все же вокруг кипела жизнь. Любая мелочь, любой изъян этого захолустного уездного городка — невзрачного и нищего по меркам будущего — в глазах впервые попавших сюда Гоуданя и А-Сюаня казались чудом. Мир вокруг бурлил, манил новизной и казался ребятам бескрайним.

<http://bllate.org/book/19654/1996711>